

Глава 1
Обстоятельства

1770—
1785 гг.

Дофин и дофина. Австрийский брак

В девять часов утра 21 апреля 1770 г. кортеж из 57 карет выехал из венского дворца Габсбургов Шенбрунн. В одной из них, обитой изнутри розовым с золотом бархатом, рядом с чрезвычайным послом императрицы Марии-Терезии графом Штаренбергом сидела эрцгерцогиня Австрийская и Лотарингская Мария-Антуана, ставшая за два дня до этого дофиной, супругой наследника французского престола. Ранний час для отъезда Марии-Антуаны из Вены был выбран самой императрицей. Мария-Терезия не хотела, чтобы случайные прохожие стали свидетелями сцены ее прощания с дочерью, которой предстояло стать королевой Франции. Молочный брат Марии-Терезии Иосиф Вебер, один из немногих, кому было дозволено присутствовать при прощании матери с дочерью, вспоминал впоследствии, что 14-летняя дофина, не в силах сдержать рыданий, несколько раз выглядывала в окно кареты, смотря на дворец, который оставляла навсегда.

Свадебная церемония Марии-Антуаны-Жозефы-Иоганны, младшей из 14 детей императрицы Марии-Терезии (четыре сына, десять дочерей), состоялась в том же венском монастыре августинцев, что и свадьба ее матери 34 года назад. Жениха, будущего короля Франции Людовика XVI, представлял брат Марии-Антуаны эрцгерцог Фердинанд. Справа от алтаря сидела Мария-Терезия с ее соправителем, старшим братом Марии-Антуаны Иосифом. Рядом с невестой, облаченной в платье из серебряной парчи, стоял чрезвычайный

чайный посол Людовика XV граф де Дюрфор. Брачный обряд был совершен папским нунцием монсеньором Висконси. После обмена кольцами канцлер князь Кауниц и Дюрфор под звон пушечных залпов и глухую барабанную дробь подписали брачный контракт.

Вечером во дворце Шенбрунн состоялся свадебный ужин, на следующий день — прием для иностранных послов, на котором Мария-Антуана уже официально именовалась «мадам дофиной». После этого граф Дюрфор, ведший в течение двух лет сложнейшие переговоры об австро-французском династическом браке, сложил свои полномочия. Его сменил в качестве главного лица, сопровождавшего дофину на австрийской территории, барон Бретейль, французский посол в Швеции и кандидат на престижный для французской дипломатии пост посла при венском дворе. Вряд ли дофина да и сам Бретейль могли предполагать, какую зловещую роль предстояло ему сыграть в ее судьбе.

Путь из Вены до французской границы занял две с половиной недели. Первую ночевку австрийский церемониймейстер граф Хевенхюллер сделал на границе с Баварией, в монастыре Мельк. Здесь дофина простилась с Иосифом. В Мюнхене, куда кортеж прибыл 26 апреля, Мария-Антуана оставалась в течение двух дней гостьей курфюрста Максимилиана-Иосифа. Следующая двухдневная остановка — в Гюнтцбурге у принцессы Шарлотты Лотарингской имела подчеркнута политические акценты. И Франции, и Германии был послан ясный сигнал о том, что лотарингские связи Габсбургов будут оставаться предметом особого внимания будущей королевы Франции.

Наконец, проследовав через Ульм и Фрайбург, лесными горными дорогами Шварцвальда кортеж дофины прибыл в аббатство Шюттерн, где Мария-Антуана должна была провести свою последнюю ночь в Германии. В аббатстве ее встречал чрезвычайный посол Людовика XV граф Ноайль с супругой, которой предстояло вскоре возглавить двор дофины.

На следующий день, 7 мая, граф Ноайль и князь Штаренберг окончательно обговорили детали пересечения дофиной границы ее новой родины. Передача невесты («consegna» по-итальянски,

или «gemise» по-французски) рассматривалась дипломатическим протоколом XVIII века как акт чрезвычайной важности, символизирувавший союз австрийских Габсбургов и французских Бурбонов. Церемонию передачи было решено устроить на острове посреди Рейна, в виду Страсбурга. За четверть века до этого на том же острове состоялась передача Марии-Жозефы Саксонской отцу дофина, покойному Фердинанду-Августу. Поскольку за прошедшие годы имевшиеся на острове строения изрядно обветшали, было решено построить на скорую руку деревянный павильон, для украшения которого мебель и ковры были привезены из Страсбурга. Спешка была такая, что среди привезенных ковров оказались два гобелена, изображающие Ясона и Медею. Молодой Гёте, изучавший тогда право в Страсбургском университете, ужаснулся, что гостеприимные эльзасцы не нашли ничего лучшего, как украсить встречу дофины «историей самого ужасного брака, который можно себе представить»¹.

Сложная символика церемонии передачи невесты заключалась в том, что юная дофина должна была, вступив на землю Франции, как бы родиться заново. Станный версальский протокол требовал, чтобы на невесте не было в этот момент ни одежды, ни даже предметов туалета, привезенных из Вены. На ней не должно было оставаться ничего, «что связывало бы ее с иностранным двором», писала в своих мемуарах мадам Кампан. Марии-Антуанетте пришлось оставить в Австрии даже любимого мопса, который попал в Версаль значительно позже благодаря хлопотам австрийского посла Мерси-Аржанто. Посол же озаботился, кстати, приобретением постельного белья и туалетов для Марии-Антуаны на немалую сумму в 400 тысяч франков.

Утром 7 мая Мария-Антуана, уже облаченная во все французское, прошла в сопровождении Штаренберга в центральный салон, где стол, покрытый красным бархатом, символизировал границу между Австрией и Францией. По французскую сторону стола ее

---

¹ *Frazer A. Marie-Antoinette. N.Y., 2001, p. 60.*

ждал граф де Ноайль с двумя помощниками. Граф представил Марии-Антуане свою супругу. Дофина с детской непосредственностью заключила ее в объятия. Графиня, следуя предписаниям версальского протокола, еще раз представила дофине своего мужа, получившего таким образом право на церемониальный поцелуй руки наследницы французского престола, причем не как представитель одного из старейших аристократических кланов Франции, а в качестве испанского гранда.

Можно только догадываться о чувствах, которые испытывала Мария-Антуана, впервые получившая возможность сравнить естественность родного для нее австрийского двора с тяжелой чопорностью версальского протокола, отводившего ей роль манекена, движения и поступки которого отныне должны были определяться расплывчатым в малейших деталях еще Людовиком XIV церемониалом. Понять это ей предстояло в недалеком будущем.

В Страсбурге Марию-Антуану ждал пышный прием с торжественным караулом, фейерверками, народными гуляниями и приемами у местной знати, съехавшейся в столицу Эльзаса.

Церемониал был скопирован с программы торжеств по случаю проезда Людовика XV через Страсбург в 1743 г. 14-летняя дофина без труда освоила свою новую роль. Когда кто-то из местных представителей обратился к ней по-немецки, она громко сказала:

— Не говорите со мной по-немецки: с этого момента для меня нет другого языка, кроме французского.

Такт юной дофины был оценен по достоинству, хотя ответ этот, который публичная молва донесла до Версаля, был, по всей видимости, удачной домашней заготовкой. Граф Мерси-Аржанто, суровый наставник Марии-Антуаны, бывший в начале 1760-х годов австрийским послом в Петербурге, услышал точно такую же фразу из уст только что вступившей на престол Екатерины II, когда при вручении верительных грамот он обратился к ней по-немецки.

Немаловажный штрих. Пребывание дофины в Страсбурге, этом вечном яблоке раздора между двумя великими европейскими народами, в котором причудливо смешались, то взаимодействуя, то кон-

фликтуя, элементы немецкой и французской культуры, жизненного уклада, было окутано некоторым мистицизмом. По крайней мере к такому выводу, разумеется задним числом, приходили позднейшие мемуаристы.

— Какие странные пересечения случаются в жизни! — воскликнула баронесса Оберкирх, вспоминая о торжественной мессе, которую в Страсбургском соборе служил коадьютор князя-епископа Страсбургского 35-летний Луи де Роган, человек, сыгравший впоследствии такую мрачную роль в жизни Марии-Антуаны. Совпадение действительно странное, особенно если учесть, что за спиной дофины стоял незамеченный баронессой барон Бретейль. Имена этих троих — Марии-Антуанетты, Рогана и Бретейля — через 15 лет, в 1785 г., не будут сходить со страниц европейских газет, описывавших потрясший французский трон и всю Европу скандал с ожерельем королевы.

От Страсбурга до Версаля кортежу дофины предстояло проделать 250 миль, которые стоили французской казне вместе с празднествами, устраивавшимися городскими властями, ликованием горожан, театральными представлениями и фейерверками 300 тысяч ливров. Только 14 мая к трем часам пополудни Мария-Антуана достигла Компьена, где ее ждал Людовик XV с сыном и тремя сестрами. Дофина, трепетавшая, надо думать, перед первой встречей с мужем, вряд ли обратила внимание на лежавший на ее пути небольшой городок Шалон-сюр-Марн, в котором присланные из Версаля актеры дали в ее честь великолепный спектакль. А между тем именно в этом провинциальном городке на берегу реки Марны пересеклись жизненные дороги дофины Марии-Антуаны и королевы Марии-Антуанетты. В Шалоне королевская семья остановится для смены лошадей на пути из Тюильри в Варенн, где на исходе этого июньского дня 1791 г. будет суждено закончиться истории французской монархии.

Действительно, как тут не вспомнить баронессу Оберкирх: странные пересечения случаются в жизни.

Здесь, в компьенском лесу, мы оставим ненадолго нашу героиню, чтобы пояснить политические обстоятельства, в которых рождался династический брак между дочерью австрийской императрицы Марии-Терезии и внуком французского короля Людовика XV.

Семейный союз Марии-Антуанетты и будущего Людовика XVI был детищем одного из наиболее выдающихся политических событий XVIII века — «дипломатической революции» 1756 г., положившей конец трехвековой вражде австрийских Габсбургов и французских Бурбонов. Австро-французский союзный договор, подписанный в Версале 1 мая 1756 г., определил не только политическую историю Европы во второй половине XVIII века, но и личные судьбы Людовика XVI и Марии-Антуанетты, во многом сформировав политический контекст, в котором рождалась до основания потрясшая Францию Великая революция.

«Дипломатическая революция» 1756 г. знаменовала крушение Вестфальской системы, обеспечивавшей в течение более чем века шаткое равновесие интересов европейских держав. Исследователи дипломатической истории Европы обычно отмечают два основных обстоятельства, предопределивших «ниспровержение альянсов»: экспансионистскую политику Пруссии, породившую австро-пруссский антагонизм, и резкое обострение англо-французской борьбы за колонии в Северной Америке и Индии¹.

Крайне важно, однако, не упускать из виду третье, может быть, главное обстоятельство: глубокий кризис империи Габсбургов, накрывшей огромным лоскутным одеялом треть территории Европы. В 1714 г., после Утрехтского мира, завершившего войну за испанское наследство, Габсбурги потеряли испанскую корону. На испанский трон взошел Филипп V, внук французского короля Людовика XIV, основного антагониста императора Священной Римской империи Карла VI. Следствием этого стало ослабление влияния Габсбургов и

---

¹ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995, с. 50.

усиление французских Бурбонов на Севере Италии и в Австрийских Нидерландах, перешедших в наследственное владение германских императоров.

Монархии не умирают, они вырождаются. За год до подписания Утрехтского мира и, надо думать, под его прямым влиянием испанская ветвь Бурбонов пресеклась из-за отсутствия наследников по мужской линии — император Карл VI принял так называемую «прагматическую санкцию», в соответствии с которой обширные владения австрийских Габсбургов должны были оставаться нераздельными даже в случае отсутствия у императоров мужских наследников. Германские государства, власть Вены в которых становилась все более номинальной, согласились с принципом наследования по женской линии. Признание «прагматической санкции» Европой оказалось добиться труднее. Только в 1726 г. о нем заявили Россия и Пруссия («Союз трех черных орлов»), в 1729 г. — Испания, в 1731 г. — Англия и Голландия.

Добиться признания «прагматической санкции» Францией Карлу VI, отцу двух дочерей, не имевшему мужского потомства, удалось только после окончания войны за польское наследство (1733—1734 гг.). В ходе этой войны, носившей ярко выраженный династический характер, Австрия в союзе с Россией поддерживала кандидатуру саксонского курфюрста Августа III, а Франция, Испания и Сардиния — избранного поляками Станислава Лещинского. В 1735 г. по предварительному мирному соглашению в Вене Карл добился признания «прагматической санкции» Версалем ценой отказа от завоеванной французскими войсками Лотарингии, которая была отдана в пожизненное владение изгнанному русскими войсками из Польши Станиславу Лещинскому, а после его смерти в 1767 г. перешла к Франции. Герцог Лотарингский Франц-Стефан под нажимом Вены и Парижа был вынужден уступить Лотарингию ставленнику Франции в обмен на Великое герцогство Тосканское. Частью этой «пакетной сделки», в которой тесно переплелись династические интересы Габсбургов и Бурбонов, стал брак герцога Франца-Стефана со старшей дочерью Карла VI, будущей императрицей Марией-

Терезией (младшая сестра Марии-Терезии Марианна была замужем за Карлом Лотарингским, младшим братом Франца-Стефана).

После смерти Карла VI «прагматическая санкция» привела к власти Марию-Терезию, провозглашенную королевой Венгерской и императрицей. Старшей дочери покойного императора было к тому времени всего лишь 23 года, но с 14 лет дальновидный отец допускал ее на заседания Государственного совета. С юных лет приобщенная к государственным делам, обладавшая редкой целеустремленностью, трудоспособностью и здравым смыслом, Мария-Терезия стала великой императрицей. Может быть, именно ей Габсбурги обязаны тем, что агония великой империи растянулась на два века.

Начало великого царствования оказалось, однако, трагическим. Сразу же после воцарения Марии-Терезии молодой прусский король Фридрих II, несмотря на признанную его отцом «прагматическую санкцию», предъявил претензии на Австрийскую Силезию, начав тем самым продолжавшуюся восемь лет (1740—1748 гг.) войну за австрийское наследство. Уже в феврале 1741 г., всего через два месяца после начала боевых действий, Силезия была оккупирована прусскими войсками. На стороне Пруссии выступили Бавария, Саксония, Испания, поддержанная Францией. Для понимания потаенных пружин европейской дипломатии важно иметь в виду, что, отказавшись признать права Марии-Терезии на императорскую корону, влиятельные германские курфюрсты, среди которых был и Август III, посаженный на польский престол при решающей поддержке Австрии, ссылались на собственную трактовку «прагматической санкции», закреплявшей императорскую корону по праву первородства за Габсбургско-Лотарингским домом. Другими словами, Австрии в лице Марии-Терезии было предъявлено обвинение в передаче Лотарингии Франции во имя династических интересов.

В январе 1742 г. баварский курфюрст Карл-Альбрехт, ставленник Франции, был избран императором Священной Римской империи под именем Карла VII. По Бреславльскому миру 1742 г., закончившему так называемую Первую силезскую войну, Австрия потеряла не только Силезию, но и Парму, Пьяченцу и Гвасталу. В этот слож-

нейший для нее момент Мария-Терезия сумела воспользоваться перегруппировкой сил в Европе, вызванной растущими амбициями Пруссии, для обеспечения своих государственных и династических интересов. Финансовые субсидии и политическая поддержка со стороны Англии и Соединенных провинций (Голландии), а затем в 1747 г. решительное вмешательство России, направившей свои войска на Рейн, заставили Фридриха II отказаться от планов дальнейшей экспансии в Богемии. В 1745 г., после смерти Карла VII, императором Священной Римской империи под именем Франца I был избран супруг Марии-Терезии, бывший герцог Лотарингии. Восстановленный статус-кво в империи, за который Австрии пришлось заплатить новыми территориальными потерями, был закреплен Аахенским миром 1748 г.

Потеря Силезии в результате Семилетней войны побудила венскую дипломатию пристальнее присмотреться к своим потенциальным союзникам и противникам. Уже весной 1749 г. у Марии-Терезии возникает замысел союза с Францией. Кауниц, будущий великий канцлер, бывший австрийским послом в Париже в 1750–1753 гг., а затем сменивший его Штаренберг начинают переговоры с французскими дипломатами. Временной ориентир — истекавший 15 мая 1756 г. союзный франко-пруссский договор, заключенный в 1741 г.

В начале осени 1755 г. Штаренберг начал в Париже переговоры с аббатом Берни, доверенным лицом мадам Помпадур, фаворитки Людовика XV, влияние которой при версальском дворе находилось в то время в зените. Выбор аббата Берни, фигуры во французской дипломатии далеко непервостепенной — он в то время был послом в Венеции, — объясняется строжайшей секретностью, в которой проходили австро-французские переговоры. В своих мемуарах Берни отмечает, что только к концу 1755 г. он получил согласие Людовика XV выносить основные пункты его переговоров со Штаренбергом на обсуждение Королевского совета.

Решающее влияние на их исход оказала начавшаяся 10 января 1756 г. война между Францией и Англией из-за Канады и североамериканских колоний. Когда в Париже, к тому же, узнали, что через

шесть дней после ее начала, 16 января, в Лондоне была подписана так называемая Вестминстерская субсидная конвенция между Англией и Пруссией, в соответствии с которой Фридрих II обязался защищать ганноверское владение английского короля Георга III, даже убежденным сторонникам прусского союза, которых немало оставалось в Королевском совете, стало ясно, что на Берлин в преддверии начинавшейся войны с Англией полагаться нельзя.

1 мая 1756 г. в Версале был подписан австро-французский оборонительный договор, антипрусская направленность которого была очевидна. В Вене союз с Францией обоснованно оценили как крупнейший дипломатический успех Кауница: разрыв между Версалем и Берлином открывал реальную перспективу реванша за Силезию, захваченную Фридрихом II в результате войны за австрийское наследство. В Париже настроения были иными: перспектива втягивания в европейскую войну из-за Силезии представлялась многим значительно опаснее мести Берлину за прусско-английское сближение, тем более что в Вене не взяли на себя обязательств оказать военную помощь Франции в войне с Англией.

Оппозицию австрийскому союзу возглавил сын Людовика XV дофин Луи-Фердинанд, отец будущего Людовика XVI. Его жена Мария-Жозефа Саксонская и сестры, тетки будущего короля, составили костяк антиавстрийской партии, с которой Марии-Антуанетте пришлось бороться с момента ее приезда в Париж.

Австро-французский оборонительный союз, к которому в декабре 1756 г. присоединилась Россия, окончательно оформил расстановку сил европейских держав накануне начавшейся в августе 1756 г. Семилетней войны. Коалиция из Австрии, Франции, Швеции, Саксонии и присоединившихся к ним позднее России и Испании боролась против Пруссии, Англии и Португалии. Семилетняя война, в ходе которой военные действия велись как на континенте, так и в далекой Америке, Индии, на морях и океанах, закончилась для Франции унижительным Парижским миром 1763 г. Предвоенное «низвержение альянсов», в котором приняла участие французская дипломатия, обернулась для нее колоссальными финансовыми и люд-

скими потерями, усугубленными утратой французских владений в Канаде и Северной Америке.

Это предопределило сложнейший контекст восприятия австрийского союза во Франции. В качестве главы «австрийской партии» выступал бывший французский посол в Вене, ставший после возвращения руководителем французской внешней политики, герцог Шуазель. Прекрасный дипломат, достойный соперник Кауница, он, кстати говоря, не был безусловным сторонником франко-австрийского сближения. Кардинал Берни в своих мемуарах вспоминал, что Шуазель, скорее, критически оценил показанный ему накануне подписания текст Версальского договора. В обстановке подспудной, но от этого не менее ожесточенной борьбы придворных партий и группировок союз Парижа с Веной был для герцога Шуазеля, скорее, способом политического выживания, чем отражением глубоких и стойких убеждений. Корреспондент Вольтера, покровитель энциклопедистов, инициатором изгнания иезуитов из Франции в 1764 г., Шуазель вряд ли мог быть поклонником австрийской императрицы, известной своей приверженностью к католической вере и пуританским до ханжества нравом. Сын и дочери Людовика XV — «святоши», составившие костяк антиавстрийской партии, были по духу куда ближе к той атмосфере, которую Мария-Терезия насаждала в Шенбрунне. После изгнания иезуитов они открыто выступили против Шуазеля и антиавстрийская партия окончательно превратилась в партию «антишуазелистов».

В столь причудливо запутанной придворной конъюнктуре линия на всемерное укрепление австрийского союза приобрела особый смысл и значение. Поскольку политические ресурсы для реализации подобной задачи были по понятным причинам ограничены, Шуазель обратился к скрытым возможностям династической дипломатии. По его инициативе в августе 1761 г. был подписан знаменитый Семейный пакт испанских и французских Бурбонов (включая пармскую и неаполитанскую ветви) о взаимной вооруженной помощи в случае нападения со стороны третьих стран. В развитие этого договора, в котором политические резоны тесно сплелись с династическими интересами, Иосиф, сын австрийской императрицы, женился

на Изабелле Пармской, внучке Людовика XV (умерла при родах в 1763 г.), а младшая сестра Изабеллы вышла замуж за наследника испанского престола. Придуманная Шуазелем система династических браков привела и к политическому сближению Бурбонов Франции и Испании с Габсбургами, одним из следствий которого стало избрание Иосифа императором Священной Римской империи после смерти супруга Марии-Терезии Франца-Стефана в 1765 г.

Мария-Терезия не менее умело, чем Шуазель, пользовалась династическими браками для расширения влияния Габсбургов. Вскоре после смерти любимого супруга она выдала старшую дочь Марию-Кристину за принца Альберта Саксонского, четвертого сына саксонского курфюрста и польского короля Августа III. Альберту, женившемуся на Марии-Кристине по любви, было отдано герцогство Тешенское с обещанием Австрийских Нидерландов после смерти Карла Лотарингского.

К началу 1767 г. на руках у Марии-Терезии оставалось еще пять незамужних дочерей, судьбы которых она предполагала устраивать в политических видах: Елизавета — 23 лет, Амалия — 21, Жозефа — 16, Шарлотта — 15 и младшая Антуана — 11 лет. Жозефа предназначалась в жены королю Пармы Фердинанду, сыну испанского короля Карла III, однако в 1767 г. она скоропостижно скончалась от оспы. Тогда выбор пал на Шарлотту, которую до этого мечтали выдать за дофина Франции. Со сменой жениха французского на итальянского Шарлотта была переименована в Марию-Каролину.

Однако венцом системы династических браков, устраивавшихся Марией-Терезией, стал брак Марии-Антуаны с французским дофином Людовиком-Августом. С февраля 1767 г. им занимался направленный Шуазелем в Вену чрезвычайный посол маркиз Дюрфор. Вскоре после его приезда в австрийской столице появился и французский парикмахер Лансеннер, рекомендованный будущей королеве Франции сестрой герцога Шуазеля. А осенью 1768 г. в Шенбрунне обосновался прибывший из Парижа аббат Вермон, занявшийся основательно запущенным образованием Марии-Антуаны. Вермон, сохранявший до конца жизни огромное влияние на короля и королеву

Франции, впервые ознакомил Марию-Антуану с историей ее новой родины, основательно поработал над ее французским языком.

В марте 1769 г. в Вене была отчеканена медаль, на которой за спиной супругов, стоящих перед алтарем, Австрия и Франция заключали друг друга в объятия. 6 июня 1769 г. Дюрфор сделал официальное предложение, которое, разумеется, было тотчас же принято. Напутствуя младшую дочь в Париж, Мария-Терезия наставляла ее быть «хорошей немкой», В пример Антуане ставились сестры. Однако Мария-Терезия, разумеется, понимала разницу между карликовыми итальянскими государствами и версальским двором. Поэтому вплоть до своей смерти в 1780 г., строго пеняя дочери за ее легкомыслие и оплошности в отношениях с придворными, императрица и в прямой переписке, и через присматривавшего за дочерью австрийского посла Мерси-Аржанто избегала давать дочери поручения, которые могли бы осложнить ее положение при дворе или рассматриваться в качестве попытки насаждения австрийского влияния.

Впрочем, оставаться немкой при версальском дворе оказалось непросто.

3

Итак, 14 мая 1770 г., три часа пополудни, Компьенский лес.

На первую встречу с юной дофиной Людовик XV взял с собой только внука, наследника французского престола, и трех незамужних сестер. Первым, кто встретил Марию-Антуану после того, как она ступила из кареты на расстеленный на земле церемониальный ковер, был герцог Шуазель, творец франко-австрийского династического союза. Когда князь Штаренберг представил герцога дофине, Мария-Антуану не без некоторой, надо думать, заранее отрепетированной театральности воскликнула:

- Я никогда не забуду того, кто устроил мое счастье!
- И счастье всей Франции¹, — ответил Шуазель.

¹ Fraser, A. Op. cit., p. 64.

Церемониймейстер двора герцог де Крой представил «госпожу дофину» королю. И тут Мария-Антуана — это запомнилось — вместо положенного реверанса порывисто опустилась перед королем на колени, поцеловав его руку.

Королю, скорее, понравилась непосредственность дофины. Знарок и ценитель женской красоты, он не мог не отдать должного и юной свежести лица Марии-Антуаны, которое не портила даже оттопыренная «габсбургская» губа, ее тщательно убранной темнорусой, с пепельным оттенком прическе и, главное, по-девичьи угловатой грации не совсем пока оформившейся фигуры.

Луи-Огюст в строгом соответствии с церемониалом поцеловал жену, которую видел первый раз в жизни. «Молодой дофин» — так его называли в отличие от скончавшегося в 1767 г. отца Людовика Фердинанда, «старого дофина», — был старше Марии-Антуаны на полтора года. Характером он во многом напоминал деда, столь же осторожного, молчаливого и погруженного в себя. Похожи были и их судьбы. Людовик XV остался сиротой уже к двум годам — его мать, отец и старший брат умерли от оспы. Луи-Огюст потерял родителей и брата из-за наследственного бича Бурбонов — туберкулеза — к 13 годам. Оба, дед и внук, последние царствовавшие Бурбоны эпохи Старого порядка, имели репутацию хронически нерешительных людей. Граф Прованский, старший брат Людовика XVI, говорил, что подвигнуть его к принятию какого-то решения было так же трудно, как удержать вместе бильярдные шары, смазанные маслом¹.

Принято считать, что в образовании и воспитании будущего Людовика XVI было много недостатков. Это, наверное, справедливо: «молодого дофина» не предназначали для трона. Тем не менее, уже в годы учебы у него выявилась склонность к лингвистике. Луи-Огюст прекрасно знал латынь, итальянский и, что было необычно для Версаля, английский языки. Он интересовался общественными финансами, на всю жизнь сохранил страсть к картографии. Став королем, Людовик XVI принял участие в составлении инструкции

---

¹ Price, M. Op. cit., p. 4.

для экспедиции Лаперуза на Южный полюс, хотя море видел всего лишь раз в жизни — в Шербуре, где в 1786 г. был открыт новый порт. Однако подлинной страстью «молодого дофина», помимо охоты, семейного увлечения Бурбонов, было изготовление замков и ключей, слесарное дело. Уже став королем, он проводил долгие часы в слесарной мастерской, из-за чего получил прозвище «Замочник».

Внешне молодые супруги не производили впечатления гармоничной пары. Если хорошо знавший Марию-Антуану аббат Вермон говорил: «Можно найти лица более красивые, но не думаю, что возможно найти более восхитительные»¹, то будущий Людовик XVI был неуклюжим, излишне полным увальнем, не любившим публичных церемоний и смущавшимся выступлений, которые его министрам приходилось репетировать с ним до начала официальных церемоний. Среди диссонансов и парадоксальных подтекстов, столь характерных для атмосферы предреволюционного Версаля, историки французской монархии отметили и то обстоятельство, что в венах «австриячки», как называли Марию-Антуанетту в конце жизни, текло больше французской крови, чем у короля. Будущий Людовик XVI обладал нетипичной для Бурбонов внешностью. Он был блондином «в отличие от своих предков — брюнетов», с голубыми глазами, в фигуре его чувствовалась немецкая кровь матери Марии-Жозефы Саксонской. В отличие от своих прадеда и деда — Людовика XIV и Людовика XV — Луи-Огюст не обладал искусством царственной рисовки и производил крайне невыразительное впечатление на публику. Высокий и физически очень сильный, он был неуклюж, неловко кланялся и на людях предпочитал многозначительно молчать.

Современники же Марии-Антуанетты неизменно отмечали в ней «нечто, что важнее для человека, находящегося на троне, чем безупречная красота». Она «выглядела королевой даже тогда, когда стремилась быть просто красивой женщиной». Особенно украшала ее природная грация и естественность, с которой она носила корону. Вот описание Марии-Антуанетты, относящееся к 1777 г., когда она

---

¹ *Fraser, A. Op. cit., p. 32.*

была на пике своей женской привлекательности: «Королева имела два вида походки. Одна уверенная, немножко торопливая, но всегда благородная. Другая более расслабленная и сбалансированная, как бы крадущаяся, но не позволяющая забывать об уважении к ней. Невозможно было сделать реверанс с большей грацией, приветствовать девять человек одним наклонением головы, отдавая каждому должное. Одним словом, если другим женщинам мы придвигаем стулья, то ей почти всегда хотелось придвинуть трон»¹.

Впрочем, такой стремительной, жизнерадостной законодательницей мод и причесок при версальском дворе Мария-Антуанетта станет только в конце 70-х годов, после рождения первого ребенка. До этого в течение долгих семи лет, пока австро-французский династический брак оставался бездетным, Марии-Антуанетте предстояло найти свое место в сложнейших хитросплетениях французского двора, и прежде всего в королевской семье, каждый член которой имел свой строго очерченный статус, власть, а иногда и собственную политическую программу.

Конец долгого — с 1715 г. — царствования Людовика XV был смутен. Вступив на престол в возрасте пяти лет, молодой король до 1743 г. находился под опекой сначала регента Филиппа Орлеанского, а затем, после совершеннолетия, — кардинала Флери, руководившего страной до своей смерти. Разорительные войны за польское, австрийское наследство, Семилетняя война в полной мере показали неспособность и нежелание Людовика XV царствовать. Тем не менее, король, сам охарактеризовавший себя как «человека необъяснимого» (*je suis un homme inéxplicable*), объявил о желании обходиться без премьер-министров — и тут же подпал под влияние фавориток. Сначала (до 1764 г.) — знаменитой маркизы Помпадур, назначавшей и увольнявшей министров по своему усмотрению, а затем мадам Дюбарри, взявшей неменьшую власть.

К моменту брака своего внука Людовик XV прошел все ступени нравственной и политической деградации. Отношение его к судьбе собственной страны определялось знаменитой фразой: «После нас

---

¹ *Stryjenski, C. Le dix-huitième siècle. P., 1923, p. 259.*

хоть потоп». Лучшие часы своей жизни 60-летний король проводил на охоте или в Оленьем парке Версаля, где стараниями Дюбарри обосновались целые выводки очаровательных метресс, деливших на одну ночь королевскую постель. В политическом отношении у стареющего короля было две идефикс: Польша и династические расчеты. Любовь к погрязшей в анархии Речи Посполитой была привита ему скончавшейся в 1767 г. супругой Марией Лещинской, дочерью неудачливого польского короля, согнанного с трона австрийскими и русскими войсками. Не доверявший ни Королевскому совету, ни своим ближайшим родственникам, Людовик XV с 1743 г., после смерти кардинала Флёри, создал тайную дипломатию — так называемый «Секрет короля», нити которого находились в руках принца Конти, не скрывавшего своих амбиций занять со временем польский трон. Агенты «Секрета короля» особенно активно действовали в Османской империи, Польше и Швеции — опорных странах «тыловой политики» (*politique de revers*), политики тылового окружения основного соперника французских Бурбонов — Австрии, проводившейся Парижем со времен Людовика XIV. Свообразием тайной дипломатии Людовика XV, отличавшим ее от секретных служб других европейских государств, являлась полная автономия ее агентов от официального министерства иностранных дел, вносившая анархию и сумятицу во французскую внешнюю политику.

Рациональных объяснений такому, мягко говоря, абсурдному ведению внешнеполитических дел не найдено. Ясно только, что династические расчеты французских Бурбонов далеко не всегда совпадали с государственными интересами. Австро-французский союз 1756 г. рельефно обозначил это основное противоречие царствования Людовика XV. Как следствие, в королевской семье и близких к ней придворных кругах возникла мощная антиавстрийская партия. К ней примыкали «саксонцы», ориентировавшиеся на жену дофина Марию-Жозефу Саксонскую, мать будущего Людовика XVI. К саксонской партии были близки и сторонники Марии Лещинской, выходцы из Эльзаса и Лотарингии, включая могущественного руководителя французской внешней политики герцога Шуазеля.

Разобраться в этом сложнейшем переплетении политических интересов и династических предрассудков и предстояло Марии-Антуанетте, от которой мать, императрица Мария-Терезия, уже в недалеком будущем ожидала расчетливых и последовательных действий в пользу усиления австрийского влияния во Франции. Задача, прямо скажем, нелегкая.

Четыре незамужние тетки «молодого дофина», сестры Людовика XV — Аделаида, Виктория, София и Луиза — составляли основу так называемой «партии святош». Суетливые и бестолковые (*elles avaient les petites têtes*), они по-своему любили брата и опекали его, хотя порой и чересчур навязчиво. Луи-Огюст сохранял к ним привязанность в течение всей своей жизни. «*Mesdames tantes*» («госпожи тетки») не любили Марию-Антуанетту из принципа: ее брак был делом рук Шуазеля, которого они считали безбожником и интриганом, готовым пожертвовать французскими интересами в угоду Шенбрунну. Сами они предпочли бы для дофина жену из саксонской династии.

Тон среди «святош» задавала старшая сестра Аделаида, волевая, мужеподобная и глубоко религиозная. Кстати, именно она первой нарекла Марию-Антуанетту «австриячкой», прозвищем, которое в дни революции стало клеймом на репутации Бурбонов. Затем шла Виктория, обожавшая церковные службы и игру на волынке. Младшая из теток «молодого дофина» Луиза удалилась от мира и стала монахиней в августинском монастыре. Тетки поддерживали традиции церкви, государства, пытались в меру своего разумения воздействовать на внешнюю политику, но серьезным влиянием не обладали.

Гораздо более выраженными политическими амбициями отличались братья короля, смотревшие на французскую корону как на общее достояние Бурбонов. Король был для них не более чем первым среди равных.

Герцог де ля Вогийон, бывший с 1757 г. воспитателем «детей Франции», называл четырех внуков Людовика XV своими «четырьмя Ф»:

— *le fin* (утонченный), старший, герцог Бургундский, он умер в возрасте десяти лет в 1761 г.;